

НАША СТРАНА

Год издания—46-ой. Буэнос Айрес, суббота 18 июня 1994

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 18 de junio de 1994 N° 2288

О. Бартенев

АПОЛОГИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

Самодержавие утвердилось не сразу и не вдруг, а прошло долгий и извилистый путь в борьбе с боярством и удельными князьями, прежде чем утвердилось как окончательная форма политической жизни русского народа. Началом исторической жизни русского народа обычно считается 862 год, когда был призван Рюрик, но окончательно самодержавие утвердилось после разгрома князей и княжат Иваном Грозным и политической дискредитации аристократии в Смутное Время. Путь занял примерно семь с половиной веков прежде, чем самодержавие победило начала аристократическое и демократическое.

В отличие от точных наук — математики, физики, химии, которые международны, политические и экономические науки национальны. То, что русскому здорово, то для немца карачун — и наоборот. Всякая попытка перенести политические и экономические формы жизни других народов на чуждую почву пагубны, если не фатальны. Формы политической жизни сходны с одеждой, которая приспособлена к климату: эскимосская парка не нужна на экваторе, полушубок и валенки смешны в Испании.

Самодержавие есть единственно приемлемая форма политической жизни русского народа, которая оправдала себя в жесточайших испытаниях. От крошечного пятнышка на географической карте в начале 14-го века, с внешними границами начинавшимися сразу за московскими островами, от удела младшего сына святого Александра Невского Москва стала носительницей национальной идеи — собирательницей русских земель, столицей Великого Княжества, Царства Русского, Империи Всероссийской и наследницей Византии — Третьим Римом. Мы по праву могли бы сказать про свое государство, что с царя Ивана Третьего мы были Священной Восточно-Римской Империей Русской Нации.

Самодержавие не было навязано русскому народу. Он отстаивал его в борьбе с боярско-дворянскими попытками ограничить власть царей московских, в которых видел своих защитников и покровителей. Андрей Боголюбский любил „мизинных“ людей, на которых опирался в своей борьбе против старших бояр Ростова и Суздаля. Грозный не держал „гнева и опалы“ на народ, и его искоренение бо-

ярской крамолы было популярно среди народа. Народные низы, черный люд, „мизинные люди“, восстановили самодержавие без всяких ограничений в Смуту. Боярский ставленник Василий Шуйский, подписавший ограничение своих прерогатив, получил в народе насмешливое прозвище „боярского полуцаря“. Вместе с народом самодержавие строило государство, падало и поднималось, ввергалось в катастрофы, из которых, казалось, не было выхода, и неизменно одерживало верх над всеми врагами — и какими врагами! Раскромсанное государство было собрано воедино, точка на географической карте раскинулась на одну шестую часть земного шара, Государство Московское отстояло право русского племени на свою собственную политическую жизнь, а с ним отстояло и славянство от поглощения его немцами, венграми, греками. Без русской мощи и православия бы пошатнулось и по всему миру разлилась бы ересь римского католицизма.

Не русские баре освободили крепостное крестьянство, а самодержавие „манием“ царя дало свободу миллионам крестьян против желания их собственников. Император Павел Первый заплатил своей жизнью за первый шаг на пути к освобождению крестьян из крепостной неволи. Иные русские поэты и писатели воспевали свободу и проклинали самодержавие, но не торопились, свободолюбивые, освобождать своих мужиков, которым дал волю „тиран“. Герцен на продаже своих русских деревень с крещенной собственностью сделался миллионером.

В роковом для России 1917-ом году была подведена итоговая черта и завершена вековая работа интеллигенции и высшего дворянства (я не говорю здесь о служилом дворянстве) против самодержавия и, следовательно, против народа. То, что не удалось боярам и декабристам, удалось беспочвенной интеллигенции, которая, свергнув народную монархию, монархию Божьей милостью, заменила ее на кровавую диктатуру, а народ ввергла в новое рабство, равного которому не знал мир.

Есть шутники — конституционные монархисты на западный манер — которые считают, что монархию надо ограничить. По рассуждению этих господ самодержавная монархия хороша, если во главе ее стоит „великий человек“ а ля Пётр Первый. А поскольку гении на престоле появ-

ляются раз в несколько столетий, то негениям в помощь требуется законодательное собрание, которое будет судить и рядить дела державные. Парламентарии будут подсчитывать голоса, сколачивать блоки, подсиживать министерства и вообще заниматься всем тем, что составляет „демократию“ на Западе.

Это будет не русская монархия, а республика на манер шляхетской Польши с наследственным президентом. Конституционная монархия на западный манер — это квадратура круга, деревянное железо. Конституционная монархия такой же заговор против государства и народа как большевизм, миликовщина, керенщина. Конституционные монархисты — это стыдливые республиканцы.

Вся особенность русской монархии состоит в том, что власть монарха ничем, кроме его православной совести, не ограничена. Монарх ответствен за вверенный ему народ перед Богом и историей, а не перед толпой, которой партийные заправилы заполняют парламент. Нам нужен царь с правом „секим башка“, царь грозный врагам нашим — внутренним и внешним. Всякое умаление прерогатив царя есть покушение против народа.

Беспочвенные интеллигентские слои общества, требуя ограничения власти монарха или главы государства, на деле устанавливают новое крепостное право своей „опекой“ над народом (Достоевский). Во всех демократиях народ еще более эффективно отстранен от управления государством своими „представителями“, чем в любой диктатуре.

Сила народа в правё монарха обуздать, если потребуются, современных крепостников — господ полу и четверть интеллигентов, претендующих на власть.

Утвещения, что неограниченная монархия хороша только для гениев на престоле — смешна и выказывает не столько незнание родной истории, сколько нежелание считаться с ней. За тысячелетнюю историю русской монархии шапка Мономаха покоилась на разных головах: на людях средних — „Иван и еще раз Иван, Василий и еще раз Василий“, как сказал о них историк Ключевский; были люди гениальные, как Пётр и Екатерина, и „скорбные главой“ как Фёдор Иоаннович; были дети — Дмитрий Донской в 9 лет стал Великим Князем, а его сын Василий в 16..., а Русь все

крепла, богатела и расширялась.

Первый Романов в 16 лет был избран самодержавным царем. Не за заслуги — их не было; не за способности — человек он был средним и никто не ожидал от него, что он совершит богатырские подвиги. Избрали нормального среднепорядочного человека, которому они, „измалодушествовавшие“, как называл Михаил народ, поклялись исправиться.

Русская монархия сильна не гением монаршим, а той всенародной поддержкой, которой все русские люди обязаны не из за страха, а по совести оказывать своему государю. Ленину и Сталину в гениальности никак не откажешь. Гений на троне, повторял Иван Солоневич, „хуже чумы“. И когда жилось легче среднему человеку: в правление гениального Петра или среднего Александра Второго? В правление Царя Николая Второго или пришедших после него Ленина и Сталина? Народ, уже в советское время, сложил поговорки, в которых он ярко выразил свое отношение к ушедшему в прошлое царскому режиму: „Были царь и царица — были хлеб и пшеница“.

Земские Соборы должны быть взяты за образец в отношениях между властью и народом в новой России. Иван Аксаков дал им гениальную формулировку: царю — сила власти, народу — сила мнения. Не число голосов, не популярность, а ценность мнения, его качество, его польза для народа, государства и его будущего — вот что решит его принятие царем, если даже это мнение всего лишь одного человека. В демократиях считается только количество голосов, а не их качество. Голос эксперта и голос невежды равны между собой, потому что оба „личности“ с „правами“. Надо ли удивляться, что все демократии — от древнего Рима и до наших дней — заканчивались анархией, которую приканчивала диктатура.

Народ имеющий орган где высказать свое мнение, и власть призывающая народ к сотрудничеству, но свободная выбирать любое представленное мнение, также как и следовать своему — есть идеальный порядок правления, который был проверен историей и лучше всего приспособлен к характеру русского народа и географическому положению страны, окруженной со всех сторон врагами.

О. Бартенев

Владимир Солоухин

КАТЫНЬ, КАТЫНЬ...

Катынское дело можно считать закрытым. То есть для польского народа оно не закроется никогда. Эта рана будет вечно болеть и кровоточить. Но Катынское дело как тайну, как фальсификацию, как уголовное преступление можно считать разоблаченным и, значит, закрытым.

Уже известно из наших же газет, что вопрос решался «с подачи» НКВД. Пошли с ходатайством в Политбюро, что вот, мол, имеется около 20 тысяч пленных польских офицеров, что все они «социально чуждые элементы», бывшие помещики, бывшие фабриканты, бывшие чиновники... То есть по самой сути своей «заклятые враги советской власти, преисполненные ненависти к советскому строю».

О том, что это был цвет польской интеллигенции, в письме умалчивалось. Да ведь и с самого начала большевики, захватившие власть в России (и тем самым — Россию), мерили людей одной меркой: отношением к ним, к большевикам. А интеллигентность?.. О, Боже! Разве не был лучшим представителем интеллигенции Гумилев, расстрелянный в 1921 году? Или Блок, уморенный тогда же? Или Бунин, Куприн, Рахманинов, Шаляпин и тысячи, сотни тысяч русских интеллигентов, убитых, заточенных в тюрьмы и лагеря либо выброшенных за пределы страны?

В письме НКВД говорилось: «Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию (друг-друга, что ли, агитируют? — В. С.). А посему... НКВД СССР считает необходимым дела всех заключенных поляков рассмотреть в особом порядке... с применением к ним высшей меры наказания — расстрела».

На этом письме стоят подписи лиц, согласных с письмом: Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна. В стороне, на полях, еще две фамилии: Калинин — «за», Каганович — «за».

5 марта 1940 года на заседании Политбюро (протокол номер 144), как сообщалось в прессе, решалась судьба пленных поляков. А было их 21.857 человек.

Можно задаться вопросом: что двигало НКВД, когда он «входил» в Политбюро с этим чудовищным предложением? Искреннее желание «очистить» страну от вражеских элементов? Едва ли. Но ведь пленных приходилось держать в нескольких лагерях. Охрана, питание, хлопоты и морока. Насколько все упростится, если этих лагерей не будет. Так что, можно сказать, НКВД преследовало, как говорится, узковедомственные интересы. Да и вообще, если встать на точку зрения НКВД, может возникнуть вопрос, который сначала покажется наивным и даже абсурдным, но на который не так просто ответить. Вопрос этот такой. А что же было делать с двадцатью тысячами офицеров? Ведь это две полные дивизии. Держать их в лагерях? Как долго? Сформировать из них две дивизии на случай войны с немцами. Но в 1940 году с Германией были мир и дружба. Формирование таких дивизий немцы расценили бы как недружественную акцию. Сталин очень поверил Гитлеру и очень дорожил договорно-дружественными отношениями с Германией. Недаром он не верил первым донесениям о нападении немцев и утверждал, что это какая-то провокация.

Самое простое было бы передать всех пленных Польшу. Но могли ли большевики дать свободу людям,

враждебно настроенным по отношению к ним, большевикам? Кроме того, Польша была оккупирована немцами и польские офицеры попали бы из огня да в полымя. Они — не исключено — и в плен-то сдались советской стороне, чтобы не попасть в руки к немцам.

Распустить их всех внутри СССР, пусть идут кто куда хочет? Нереально. Создать из них какую-нибудь трудовую колонию, несколько совхозов? Нереально.

Конечно, проживи эти пленные еще один год, и они, возможно, пошли бы вместе с советской армией воевать, освободить Польшу. Впрочем немцы наступали так молниеносно, что эти лагеря с поляками просто не успели бы эвакуировать, было не до того. Да и кто же мог загадать тогда на год вперед? Ведь закапывая в землю эти 20 тысяч поляков под Смоленском в Катынском лесу, разве думали советские власти, что через год Катынский лес и сам Смоленск окажутся в руках немцев? Ведь «и на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом». Нет, с Катынским лесом, думали советские власти, шито-крыто прочно и навсегда.

Могли ли советские власти предполагать, что документы по Катынскому делу будут в конце концов переданы Кремлем Польской Республике, что в газетах будут публиковаться воспоминания участников массового расстрела? Нет, такого поворота событий никто никогда не ждал.

Но взорвалось Катынское дело не сейчас, не с передачей документов, а когда немцы еще по горячим следам раскопали катынские могилы и выставили их напоказ всему миру. Приблизительно в это же время были раскопаны немцами массовые НКВДшные захоронения под Винницей — 2.800 трупов и у каждого в затылке дырка от пули мелкокалиберного пистолета. Оказывается много ли человеку надо. Хватало крохотной пульки. Но под Винницей были свои, родные расстрелянные, а не поляки — и дело вскоре затихло. Таких захоронений, если раскопать, оказалось бы десятки и сотни. Ведь коренного населения было расстреляно неисчислимо. Но Катынское дело получило огласку, потому что — поляки.

Мне тогда (в 1944 году) было двадцать лет, и я, помнится, по молодости лет поверил нашим газетам, что польских офицеров расстреляли немцы и лишь хотят свалить вину на Советский Союз. Да и как не поверить: Специальная Комиссия исследовала могилы в Катынском лесу, и какие авторитетные подписи: академик Бурденко, академик Толстой, митрополит Николай, министр просвещения академик Потемкин...

А надо сказать, что позднее польская тема стала мне особенно близка. Дело в том, что в нашем Литературном институте училась (и жила в нашем общежитии) восемнадцатилетняя полячка Алиса. Синеглазая темная шатенка... В свое время я написал о ней рассказ. Пожалуй, вспомню оттуда несколько строк.

«Она была — голубой огонь. Синий огонь. Восемнадцатилетняя, тоненькая, гибкая, с загадочной полуулыбкой на красивых губах маленького рта, темноволосая, она буквально ослепляла своими глазами. В них прыгали такие синие зайчики, метался такой синий огонь, что надо было чем-то на него отвечать. И вот мы читали ей стихи — Пушкина, Блока, Фета, Есенина, Тютчева...

Носила она (почему-то так мне за-

помнилось) черную юбку, прикрывающую колени, и черную шерстяную кофточку, едва ли не домашней вязки... Помнится также, что кофточка — такой уж у нее был фасон — оставляла открытой шею и даже часть плеч. Наподобие того, как на мраморных бюстах иногда делают гладкими лицо, шею и немного плечи, а дальше идет шершавый необработанный камень».

Она была полькой, и звали ее Алисой. Многие пытались за ней поволочиться. Да и не поволочиться даже, а просто летели, как бабочки на яркий огонь, но дальше чтения стихов ни у кого, кажется, дело не пошло.

Больше всех с ней сдружился Кирилл Ковальджи. Он даже написал стихотворение о ней под названием «Елочка», но и в этом стихотворении — горечь о том, что Алиса достанется кому-то другому. И была там строка: «Свечи зажгут... отпразднуют...». Потом уж выяснилось, что в Алису влюбился поздней роковой любовью наш «мэтр», руководитель поэтического семинара Илья Сельвинский. Тогда он был для нас стариком преклонных лет, а для Алисы, наверное, тем более. Мы, двадцатилетняя молодежь, лишь поволочились за «гордой полячкой», Сельвинский же разразился поэмой, которая так и называется «Алиса». Есть там и строка относительно возраста: «В этот миг я увидел бессмертье! Ты же видела лишь... старика». А было старику тогда пятьдесят лет.

Здесь можно было бы порассуждать об относительности чувств и значении событий. То, что для двадцатилетних не более чем шалость, для зрелого человека — молния, гром, землетрясение, катастрофа.

Как бы то ни было, беседы с Алисой иногда затягивались за полночь и однажды ненароком задела Катынский лес. Ну, я, со всей непосредственностью дурачка и слепца, оболваненного советской пропагандой, начал плести, какие немцы варвары и палачи, как подло они хотят свалить все на Советский Союз, и вдруг увидел, что синий огонь в глазах Алисы превращается в синий лед, в минус 272 по Цельсию. В безнадежный и мертвый холод. И как этот холод, пройдя через стадию льда, вспыхнул опять огнем, но уже огнем ненависти.

На другой же день я заговорил об этом с Кириллом. Он не был, оказывается, столь же наивен, как я, но разговор повел с осторожностью, вполне понятной для 40-50-х годов.

— Да, ты знаешь, часть поляков, особенно польская эмиграция, почему-то уверены, что офицеров в Катынском лесу расстреляли наши, НКВД... Они считают, например, что советские намеренно остановились на Висле и стояли там две или три недели, пока немцы подавляли варшавское восстание.

— Но какой же был в этом смысл?

— Восстание произошло с ориентацией на эмигрантское правительство, сидящее в Лондоне. Теперь представь себе: советская армия берет Варшаву, а там уже сидит готовое правительство, в то время как советская армия несла полякам свое, социалистическое правительство. Вот Сталин и приостановил, попридержал наступление. Они восстали, рассчитав, что советская армия войдет в Варшаву через один-два дня, а Сталин перерассчитал... Стояли перед Вислой и смотрели, как немцы стирают Варшаву с лица земли.

Такой разговор в 1950 году может показаться невероятным, но такой разговор был.

С тех пор я жил с убежденностью, что Катынский лес — дело советского правительства. Я не хочу сказать, что каждый день только и вспоминал про Катынский лес, просто я знал о нем правду. К тому же я все-таки не поляк, и, как бы я не любил Польшу, как бы я, бывая в Ясной Гуре, ни преклонял головы и колен перед Ченстоховской Божьей Матерью, я все же не могу забыть и того, что принесли большевики россиянам: ни крымских расстрелов в 1921 году (около 70.000 солдат и офицеров), ни потопления в крови многочисленных восстаний (Кронштадтского, Тамбовского, Сибирского, Астраханского и многих, многих других), ни шести миллионов крестьян, ликвидированных в годы коллективизации, ни голода 1921 и 1933 годов, унесших десятки миллионов жизней, ни расказачивания России, ни о мясниках, поработавших в июле 1918 года в Екатеринбург и Алапаевске по указаниям главных мясников, сидевших тогда в Кремле... И вот на фоне всего этого катынская трагедия была для меня чудовищным, но все-таки — эпизодом. На фоне семидесяти миллионов уничтоженных россиян 21.857 человек — эпизод.

Для Польши это, может быть, и трагедия, а для нашего НКВД — эпизод. Недаром сказал кто-то из революционно и философски настроенных мыслителей: «Смерть одного человека — это смерть человека. Смерть миллионов — простая статистика».

Теперь доподлинно известно, где содержались польские пленные офицеры, в каких лагерях. Называют город Козельск, но на самом деле поляков держали в Оптинской пустыни, в бывшем монастыре в 3-4 километрах от Козельска. Называют городок Осташков, но на самом деле поляков держали в Ниловой пустыни, в бывшем монастыре на озере Селигер. Называют также Старобельск близ Харькова и Грязовец в Вологодской области. Итого, 4 лагеря, и ни одного из них под Смоленском, и тем более в Катынском лесу. Зачем бы немцам в лихорадке войны свозить поляков из разных мест непременно в Катынский лес? А в Грязовце немцев и вообще никогда не было, до Грязовца они не дошли.

Нет, это была неторопливая, обстоятельная акция. В некоторых газетах проскальзывали воспоминания участников расстрела, и вырисовывается картина, что поляков свозили из разных мест в Смоленск и там, в подвале дома НКВД, расстреливали, а трупы увозили на грузовиках в Катынский лес, где заранее была приготовлена обширная яма. Один из воспоминателей называет цифру, будто бы за ночь лично ему удавалось застрелить (в затылок при переходе из комнаты в комнату) не более 200-300 человек.

Кстати, про Оптину пустынь я знал давно, с тех пор как пробрался туда, чтобы написать очерк об этом древнем монастыре — «Время собирать камни». Нашлись старожилы, которые помнили поляков. Как их заставляли из одного угла обширного монастыря в другой угол таскать на себе надгробия, а потом обратно. Показали мне и предположительное место, где закапывали умиравших поляков. Никаким подобием могил или хотя бы просто холмиками это место не обозначено, но я его помню.

И вот все тайное стало явным: и какое было принято решение Политбюро и кто расписался на этом решении и как — позже — Шелепин, будучи председателем КГБ, предложил Хру-

щеву уничтожить папки, хранящие дела польских пленных офицеров в количестве 21.857 папок. Дальше можно и процитировать шелепинский документ.

.... Представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решения троек. По объему эти документы незначительны, и хранить их можно в особой папке" ("Известия" номер 252 за 1992 год). Письмо Шелепина помечено 3 марта 1959 года.

Сквозь толщу времени я вспоминаю иногда первое впечатление о прочитанных некогда в "Правде" материалах по Катынскому делу, а теперь, когда все официально открылось и встало на свои места, во мне проснулся болезненный интерес прочитать еще раз: какими словами, в каких выражениях, в какой вообще форме было преподнесено советской пропагандой родному народу (и всему миру) Катынское дело.

Очень нелегко у нас найти или получить для прочтения старые газеты. Поскольку из года в год, из десятилетия в десятилетие, начиная с Декрета о печати от декабря 1917 года, советские газеты занимались враньем, фальсификацией действительности, то прочтение старых газет широкими массами всегда было нежелательным. Вспомним, как заметала следы преступления официальная советская печать, когда была расстреляна Семья последнего Государя. То, что санкция на уничтожение Царской Семьи была в виде приказа получена из Москвы, сейчас ни у кого уже не вызывает сомнений. Конечно, Москве было выгодно свалить все на местные екатеринбургские власти. Но связь у этих властей с Москвой была хорошо налажена по телеграфу, вплоть до согласования текста газетных отчетов. Так, сообщая о расстреле Николая Второго, уральские власти тотчас начинают лгать, вернее, подсказывают Ленину и Свердлову газетный вариант лжи, прекрасно понимая, что и Ленин, и Свердлов знают правду из зашифрованных телеграмм ("Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибла при эвакуации"). Так вот уже после этой зашифрованной телеграммы идет запрос следующего содержания: "... приговор приведен в исполнение. Семья Романова, содержащаяся вместе с ним под стражей, в интересах общественной безопасности эвакуирована из города Екатеринбург... Просим ваших санкций для редакции данного документа". То есть они хотят согласовать и согласовывают с Москвой редакцию лжи.

А искажение статистики по своему усмотрению, а простое умолчание разве не ложь? Когда на Украине в 1933 году люди миллионами умирали с голоду (голод был инспирирован), один из москвичей ехал поездом на южный курорт. На какой-то украинской станции, выйдя на перрон и перешагивая через мертвых детишек, он подошел к витрине с газетой "Правда" и увидел там большую статью "Какой должна быть советская игрушка". Не могу удержаться и не вспомнить более или менее известный трагикомический эпизод. Когда при Хрущеве была принята новая Программа КПСС, в которой было объявлено построение коммунизма через двадцать лет, два школьника в Сара-

тове положили эту газету с этой программой в железную банку и закопали в землю. Двадцать лет пролетели быстро. К этому времени на месте "клада" разбили сквер, так что откапывать "клад" пришлось на виду у людей. Стали собираться зеваки: что там ищут мужики? Наконец газета откопана. При стечении народа началось чтение вслух.

... Догоним и перегоним по основным показателям...

Смех.

... Изобилие продуктов...

Смех.

... Бесплатное общественное питание...

Хохот.

Подошла милиция. Мужичков с газетой забрали за антисоветскую пропаганду. А ведь читали они всего лишь "Правду", а в "Правде" — Программу КПСС!

Известен и еще один курьез. После войны хотели издать отдельной книгой все сводки Совинформбюро. Но в каждой отдельной ежедневной сводке сообщалось о немецких потерях на фронтах войны. Подсчитали, и получилось, что общие потери немцев в несколько раз превышают само население Германии.

Но это все мелкое и, можно сказать, невинное вранье по сравнению с тем, которое я нашел в той же "Правде" от 26 января 1944 года.

На первой странице, или, как говорят газетчики, полосе, крупными буквами: "Чудовищные злодеяния гитлеровских извергов в Катыни". Чтобы не переписывать всей статьи, выберем наиболее выразительные места.

"Гитлеровские изверги вновь пригвождены к позорному столбу. Полностью восстановлена страшная картина чудовищных злодеяний, учиненных немецко-фашистскими рабниками в Катыни".

"Возникновение "Катынского дела" характерно для подлых провокационных методов, которыми широко пользуются гитлеровские разбойники в своих преступных целях".

"Весной 1943 года они опубликовали сообщение, в котором попытались приписать совершенные ими злодеяния в Катынском лесу советским органам, отнеся эти убийства к весне 1940 года. Эта чудовищная провокация..."

"Эта попытка потерпела крах. Перед лицом всего мира была разоблачена новая гнуснейшая провокация... чудовищная выдумка и подлая клевета гитлеровцев".

"Материалы Специальной Комиссии раскрывают методы, при помощи

которых немецко-фашистские палачи создавали "Катынское дело". Путем провокации, уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний они старались найти "свидетелей", от которых добивались ложных показаний".

"Материалы расследования Специальной Комиссии документально устанавливают (да уж, если вспомнить решение Политбюро! — В. С.), что убийства в Катынском лесу были совершены по прямой директиве из Берлина (то есть надо читать — из Москвы?) в осуществление политики физического уничтожения славянских народов".

"Гнусные преступления гитлеровских палачей в Катыни, до конца раскрытые Специальной Комиссией, вызовут бурю гнева и возмущения как советского и польского народов, так и всего передового человечества".

Вот интересно, употребляя в официальном заявлении такие выражения, как "изверги", "пригвождены к позорному столбу", "чудовищные злодеяния", "разбойники", "подлые провокационные методы", "преступные цели", "гнуснейшая провокация", "подлая клевета", "палачи", "душегубы", "гнусное преступление"... создавали ли наши пропагандисты и наши власти, что все эти выражения применимы в данном конкретном случае не к немцам, а к ним самим?

Теперь о Специальной Комиссии, много раз упоминаемой в отчетных газетных документах. Надо сказать, что состав этой комиссии, немногочисленной, но авторитетной, был тщательно и продуманно подобран. Думаю, что здесь не обошлось без прямых указаний и подсказок со стороны Иосифа Виссарионовича. Так и вижу его со скупыми, неторопливыми жестами и немногословием.

Председателем Специальной Комиссии был назначен академик знаменитый хирург Н. Н. Бурденко, членами комиссии — академик, писатель А. Н. Толстой, популярный церковный иерарх митрополит Николай, нарком просвещения РСФСР, академик В. П. Потемкин, а также (на подхвате) председатель Исполкома Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии и председатель Смоленского облисполкома (фамилии их известны, но современному читателю ничего уже не говорят).

Есть такое понятие в обиходе у человечества, как лжесвидетельство. Сколько раз (по крайней мере в кино) мы слышали, как судья предупреждает свидетелей по тому или иному

Шварца. Он утверждал, будто во время революции служил в продотряде. На самом же деле, он служил добровольцем в Белой Армии и участвовал в "ледяном походе" Корнилова.

Среди книг

НЕВЕСЕЛЫЙ ЮМОР

В изданной в Москве большой книге, посвященной жизни и творчеству детского писателя и драматурга Е. Шварца, И. Эренбург приводит такие его шуточки:

"Помню вечер после войны у О. Ф. Берггольца. Мы долго рассуждали, что означают некоторые перемены в составе правительства. Шварц молчал. Потом мягко улыбаясь, сказал: "А вы, друзья, как ни садитесь, только нас не сажайте".

В другой раз, он рассуждал так: "В общем, псевдонимы — опасное дело. Лидин — хороший псевдоним, у Пушкина "смеялся Лидин, их сосед помещик двадцати трех лет". А вот Андрей Белый стал почти что красным, Демьян Бедный, по нашим понятиям, жил богато. Артема Веселого посадили, — это совсем невесело..."

Любопытна автобиографическая деталь, упоминаемая в комментариях теперь, многие годы после смерти

СУД НАРОДА

В изданных в Москве в 1992 году воспоминаниях историка и краеведа Н. Анциферова, он рассказывает следующий эпизод.

В ранней молодости, увлекаясь революционными идеями (от которых позже отошел), он однажды, при посещении имения соседа, отправился на конюшню:

"Там я попробовал впервые агитировать против царизма. Но опыт моей агитации походил на опыт Нежданова ("Новь" Тургенева). Пока я говорил о земле и воле, все шло хорошо, но только я затронул царя, как вся дворовая загудела, и один из стариков сказал мне: "Говори, что хошь, но ни царя, ни Бога не тронь, а то мы знаешь, что с тобой сделаем". Я не нашелся, что ответить, и замолчал".

Савва Юрченко

уголовному делу, что ложные показания, то есть те самые лжесвидетельства, являются уголовным преступлением и сурово наказуемы, не говоря уж о нравственной стороне дела. Тогда должны быть уголовно наказуемы и те люди, которые принуждали к лжесвидетельствам. И ведь не безмянных каких-нибудь, не случайных людей, но людей с мировым именем академиков, министров, митрополита (!).

Допустим, что сами свидетели не разобрались в сути дела, их, что называется, "подставили", и они подписали заключение комиссии, но те, кто их "подставлял", прекрасно знали, что эти почтенные люди **лжесвидетельствуют**, и спокойно толкнули их на это уголовное преступление.

В газетных отчетах подчеркивается, что немцы, собирая свидетельские показания, действовали "путем провокации, уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний", таким-де путем они старались найти свидетелей, от которых добивались ложных показаний. Но зачем было немцам прибегать ко всем этим действиям? Ведь местным жителям, которых опрашивали немцы, не нужно было ничего выдумывать и врать. Они могли мало знать, мало что видели и слышали (операция проводилась втайне), но то, что они видели и слышали, не могло быть ничем, кроме правды.

А вот сто свидетелей, опрошенных нашими органами после ухода немцев... какими методами, какими запугиваниями, какими психологическими и физическими воздействиями пользовались наши органы, собирая заведомые лжесвидетельства, никто теперь не узнает.

Академиков можно пожалеть. Принудительное свидетельство, насилие над душой, над личностью может быть не менее тягостным, чем насилие физическое. Я думаю, что ни истязать, ни запугивать, ни угрожать академиков не пришлось. Они были запуганы раз и навсегда, на всю оставшуюся жизнь. Им и в голову не пришло бы, что можно отказаться и не подписать заключение комиссии, а тем более рассказать правду. А вот у тех, кто принуждал к лжесвидетельству, должна была быть жить в душе червоточина сомнения: а вдруг кто-нибудь из них проболтается. Академики с мировым именем, их болтовне сразу поверят. Тот же Алексей Толстой — любит выпить, любит застолья, компании, бывает за границей... Да и Бурденко... А ведь с Польшей после войны придется строить добрососедские отношения, вместе придется строить социализм. Слишком большая мина замедленного действия подложена под советско-польские отношения. Я думаю даже, что не раз пожалели там, наверху, что поторопились с Катынской акцией. Оставалось только врать, лжесвидетельствовать, латать и закрашивать прореху, валить с большой головы на здоровую.

С академиками, правда, советским властям повезло. Все три академика, основные члены Специальной Комиссии во главе с ее председателем (так уж совпало) поумирали один за другим в течение каких-нибудь полутора лет с момента своего лжесвидетельствования.

Алексей Николаевич Толстой умер в 1945 году в возрасте 62 лет.

Николай Нилович Бурденко умер в 1946 году в возрасте 71 года.

Владимир Петрович Потемкин умер в 1946 году в возрасте 72 лет.

Только митрополит Николай дотянул до хрущевских времен и скончался под каплями при не совсем ясных обстоятельствах.

Владимир Солоухин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

БЕЗ ГОРЬКОГО

Нам пишут из Москвы:

Редактор журнала „Наш Современник“ Станислав Куняев объяснил в газете „Литературная Россия“ почему он в свое время снял профиль Горького с титульного листа этого издания. „Во-первых, выяснилось, что журнал не был основан Горьким. Горький основал альманах „Год 1933“, который очень условно, для того чтобы повысить статус и возраст „Нашего Современника“, был объявлен как бы его прародителем. Для лучшего престижа“.

Затем С. Куняев написал, что главная причина заключалась в том, что „к 1989 году, изучая объективную историю советской литературы, я пришел к выводу, что Горький при всем своем писательском таланте был чрезвычайно непоследовательным человеком, менявшим до неприличия быстро свои гражданские и литературные взгляды. Он то проклинал Ленина, то восхвалял его, то открыто признавался в своей неприязни к русскому крестьянству, желая быть певцом социал-демократии и рабочего класса, частенько русофобствовал в связи с этим, то возносил Есенина на пьедестал, то уничижительно отзывался о нем, идя по стопам Бухарина. Объявлял Павла Васильева фашистом и антисемитом, отказался помочь арестованному Николаю Клюеву, благословил создание страшной чекистской книги о Беломорканале в угоду Сталину, Ягоде и Френкелю“.

С. Куняев написал затем, что когда он задумался обо всем этом, то ему стало ясно, что „в борьбе за завтрашнее возрождение России Максим Горький символом и знаменем журнала „Наш Современник“ быть не может. Нужно чистое легендарное имя, не запачканное вчерашней политической грязью, нужен символ безо всяких сомнений, отражающий неизбежный подъем русского патриотизма. Подумали все вместе — члены редакционной коллегии, крупнейшие русские писатели Белов, Распутин, Солоухин, Бондарев, Юрий Кузнецов, Кожин — и выбрали новую эмблему журнала: силуэт монумента Минину и Пожарскому. И заменили Мининим и Пожарским профиль Алексея Максимовича“.

ОЦЕНКИ МЕНЬШИКОВА

Нам пишут из Москвы:

Газета „Литературная Россия“ посвятила статью убитому большевиками во время революции монархическому публицисту М. О. Меньшикову. В ней, в частности, приводится выдержка из письма Чехова этому выдающемуся сотруднику „Нового Времени“. Чехов пишет: „Вы интересный человек, и статьи Ваши наводят на тысячу мыслей, и является жела-

ние написать Вам и беседовать с Вами“.

Михаилу Осиповичу писали многие. И среди них — лучшие люди России. Достаточно назвать имена Толстого, Лескова, Нестерова, Сытина, Менделеева. „Признаю его, — писал Лесков о молодом журналисте Меньшикове, — за человека очень умного, с большим знанием литературы и с выдающимися способностями к разносторонней критике и анализу“. А в другом месте — о его чисто человеческих качествах: „Меньшиков сердечен и прям... душа и сердце у него, мне кажется, прекрасные“.

Толстой неоднократно говорил о смелости Меньшикова: в самом деле, защищать интересы русских и Российского Государства во времена „революционного подъема“ было вовсе небезопасно — ежедневно в стране от рук террористов тогда погибало от 12 до 18 человек.

СПУТНИК ПРОПАГАНДИСТА

Нам пишут из Новониколаевска:

„Русское Дело“ переиздало выпущенную впервые „Нашей Страной“ в 50-х годах книгу Н. П. Потоцкого-Шаповаленко „Спутник пропагандиста народной монархии“.

В предисловии к новому изданию издатели написали, что „восстановление православной монархии есть главная духовно-политическая цель пробуждающегося русского народа и других народов, изнывающих под властью „интернационалистов на территории бывшей Российской империи. Эта задача представляется бесспорной все большому количеству думающих о судьбе отечества людей. Сколь бы „экзотичной“ она ни казалась советским „образованцам“, ясно, что за нею — будущее, без нее — окончательный крах. Промыслительно, что наконец заговорили в державе нашей о монархии, что явилась жгучая потребность вернуться к живой воде истории с гнилого болота низменных утопий“.

По словам издателей „предлагаемая читателю работа предельно ясно формулирует основные аргументы в пользу монархии. Этой ясности мы обязаны нашему великому соотечественнику Ивану Лукьяновичу Солоневичу“.

Издатели затем дают краткие биографические данные И. Л. Солоневича и отмечают, что основанная им „Наша Страна“ до сих пор выходит в Аргентине.

ПРОГРЕСС ПРИ ЦАРЕ

Нам пишут из Москвы:

Граф А. Коновницын написал в газете „Русский Вестник“, что „царствование Императора Николая Второго, невзирая на Японскую войну 1905 года и „репетицию“ революции в том же году, является по своим результатам одной из самых значительных страниц русской истории. Введение золотой валюты, освобождение

крестьян от опеки общины и уравнение их в правах со всем населением; колонизация Сибири, завершение Восточно-Сибирского пути, рабочее законодательство, быстро растущая грамотность, массовое открытие высших и средних школ, музеев, институтов и библиотек и, наконец, расцвет искусства в России — все это произошло в период царствования Государя Николая Второго. Интересно отметить также, что Россия оказалась единственной страной в мире, где медицинская помощь неимущему населению предоставлялась бесплатно“.

Автор заметки написал затем, что „наибольшей заботой Государя было крестьянство, которое Государь особенно любил и о котором много заботился. Государь всячески старался облегчить и усовершенствовать быт крестьян, выводя их на путь экономической независимости. С 1906 по 1914 год крестьяне приобретают через посредство Крестьянского Банка 8 миллионов десятин (десятина — 1,09 га.) земли в собственность. В течение тех же лет Сибирь заселяется тремя миллионами переселенцев из крестьян. Правительство выдавало переселенцам на семью до 500 рублей, причем переезд по железной дороге обходился переселенцам в 25 процентов от номинального тарифа. По пути их передвижения были воздвигнуты специальные пункты, где можно было отдохнуть и воспользоваться бесплатной медицинской помощью. На местах поселения строились дороги, мосты, школы, больницы, воздвигались церкви. Царским правительством были использованы все ресурсы для этого грандиозного по замыслу проекта — заселение Сибири. Переселенцы освобождались от всех налогов, как государственных, так и местных, на 10 лет“.

О ПОХИЩЕНИИ КУТЕПОВА

Нам пишут из Москвы:

Святослав Рыбас и Лариса Тараканова опубликовали в журнале „Наш Современник“ документальный роман, посвященный похищенному большевиками в Париже в 1930 году начальнику Русского Обще-Воинского Союза, генералу А. П. Кутепову.

По словам авторов, белый вождь обрек себя, когда отказался от охраны. „Его объяснение, почему он не хочет привлекать бывших офицеров-галлиполийцев, нынешних парижских таксистов, полно скромности и хладнокровия. Ему было не по себе от того, что люди должны были из-за него терять дневной заработок“.

Вот как описывают Рыбас и Тараканова похищение генерала:

„В воскресенье 26 января 1930 года Александр Павлович Кутепов вышел из своей квартиры в доме номер 26 по улице Русселе и направился в Союз Галлиполийцев. Было десять часов тридцать минут. До Союза было недалеко, он должен дойти до туда минут за двадцать.“

На углу Т-образного перекрестка улиц Русселе и Удино возле

госпиталя, который содержали монахи, стояло два автомобиля, один большой желтого цвета, второй — красное такси. Здесь же, вблизи желтого автомобиля, находился молодой полицейский. Он впервые появился на перекрестке недели три назад и дежурил только утром по воскресеньям.

Кутепов поравнялся с желтым автомобилем, возле которого стояли двое рослых, крепких мужчин в желтых пальто. Они окликнули его. Он остановился, оба приблизились к нему, потом схватили за руки и, несмотря на сопротивление, втокнули в открытые дверцы машины на заднее сидение.

Полицейский спокойно наблюдал за схваткой, держа руки за спиной. Как только Кутепов оказался на сиденье, полицейский оглянулся по сторонам, вскочил на переднее сиденье, и в ту же секунду автомобиль дал ход и свернул на улицу Удино, налево. Тотчас вслед отъехал и красный.

Оказавшись в машине, Кутепов понял, что похищен и что спасти его может только чудо. Его крепко держали. Он стал вырываться, упираясь своими сильными ногами в пол машины и наваливаясь на одного из похитителей. Ему удалось высвободить правую руку. Он стал душить человека слева, сжав ему горло. Сзади его били по спине, по затылку. Это был его последний бой за свою жизнь, за то, чтобы умереть с честью. Он уже было одолел человека слева, но в спину ударили ножом. И Кутепов ослабел, застыл. Борьба кончилась. Через минуту Александр Павлович был мертв.

Автомобиль мчался по улицам Парижа к пригороду Леваллуа-Перре. Тело Кутепова лежало между двух похитителей, поддерживавших его с боков. Желтый автомобиль беспрепятственно доехал до Леваллуа-Перре и скрылся в гараже одного из домов. Тело вытащили, обыскали, бесцеремонно переворачивая. Затем полицейский оттащил его в угол и завалил коробками. Затем в гараже была вырыта яма. Туда сбросили труп и залили бетоном“.

Согласно Рыбасу и Таракановой организаторами похищения были чекисты Гельфонт и Якович. В заключение авторы романа написали: „С гибелью Александра Павловича Кутепова, последнего рыцаря империи, стало ясно, что у белой эмиграции нет реальных возможностей изменить судьбу родины. Пресекалась историческая линия, связывавшая настоящее с будущим и прошедшим. Герой кутеповского детства, освободитель славян от турецкого ига генерал Скобелев еще раз умер в Александре Павловиче...“

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ В США И КАНАДЕ

Редакция просит всех подписчиков в США и Канаде посылать подписную плату (чеки на имя Miguel Kireeff) за газету исключительно нашей представительнице в США Наталье Николаевне Ткачевой по адресу: Mrs. N. Tkachov, 1200, 18-th Ave. # 203, San Francisco CA, 94122. Тел. (415) 685-5234